

ОЧЕРКИ

ИЗЪ БЫТА ВОЙСКЪ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. П. О—ВЪ

Не басню — то быть
Я хочу рассказать;
Не затѣмъ, чтобъ своихъ
На весь міръ обозвать,
А затѣмъ, чтобъ впередъ
Меньше «горя намъ принять».
Благословите жъ, братцы,
Старину сказать. —
(Солдатская грамотность).

Наблюдательный нашъ отрядъ былъ не великъ. Онъ состоялъ всего изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи, козачьяго полка и нѣсколькихъ орудій.

Окончилось лѣто и наступила осень. Неподвижность наша не измѣнялась. Мы все ждали наступленія непріятеля и уже привыкли вѣрить, что ничего не дождемся. Близость осени обѣщала намъ скорое появленіе снѣговъ въ горахъ, а потому очевидно и наши ратные подвиги должны были ограничиться лишь нѣсколькими фальшивыми тревогами; да и тѣ представлялись уже въ памяти нашей какъ дѣло прошлое, хотя еще и не очень давнее. Пришло повелѣніе главнокомандующаго готовиться къ зимовью «на позиціи»; приказано было строить для солдатъ землянки.

Жизнь въ пустынѣ, какъ и вообще уединеніе, дѣлаетъ насъ впечатлительнѣе. Возвращеніе посланнаго въ городъ за письмами, появленіе новаго лица, случайно ли проѣзжаго, или нарочно присланнаго офицера съ какими нибудь приказаніями, уже составляетъ событіе и собираетъ съ разныхъ сторонъ кружокъ любопытныхъ. Не удивительно послѣ этого, что, простоявъ уже болѣе полгода въ горномъ ущельи, всѣ мы были не мало заинтересованы ожиданіемъ въ отрядѣ поваго, еще невиданнаго нами войска, о которомъ понятіе могли имѣть только изъ рассказовъ нашихъ отцовъ, да изъ картинъ отечественной войны 1812 года. Дружина О....го ополченія должна была смѣнить регулярную пѣхоту и расположиться на позиціи, по сосѣдству съ нами. Ожиданія были не долги, и вскорѣ мѣдный крестъ на шапкѣ ратника поселился возлѣ чалмы на каменныхъ памятникахъ татарскихъ гробницъ.

Съ жаднымъ любопытствомъ, быть можетъ и съ радостнымъ трепетомъ въ сердцѣ, толпились солдаты наши у проѣзжей дороги, и видно было, съ какимъ умиленіемъ смотрѣли они: на родимую бородку, на сѣрый, почти крестьянскій кафтанъ и большіе юфтовые сапоги, когда проходили мимо нихъ запыленные ряды ратниковъ, послѣ дальняго похода. Видъ этихъ воиновъ-новобранцевъ невольно привлекалъ каждого. Онъ каждому напоминалъ что-то близкое, и родную избу, и зиму съ снѣжными сугробами, и православный свой приходъ съ деревянною церковью, и красную, какъ маковъ цвѣтъ, хозяйку-бѣлолику-круглолику; и много, много, отъ чего уже такъ давно отсталъ солдатикъ нашъ и что покинулъ онъ вдали, пространствовавъ два года по Княжествамъ Дунайскимъ, по мазанкамъ Бессарабіи, да по степному раздолью подъ Евпаторіей... Нельзя было не замѣтить, какое живое чувство говорило въ глазахъ каждого изъ нашихъ воиновъ пустыни. «Здорово, земляки! далека ли путь-дорога? счастливо ль отбыли походъ?» кричали наши... «Много благодаримъ, служивые! походъ-отъ не легокъ, да благо, къ концу. Идемъ на битву за царя, за вѣру, за Русь святую!» то и дѣло слышались отвѣты изъ рядовъ.

Дружина раздѣлилась, и роты разошлись по разнымъ постамъ ущелья.

Былъ близокъ уже октябрь, и хотя среди дня воздухъ тепелъ былъ какъ лѣтомъ, но по утрамъ появлялся уже иней на деревянныхъ мостикахъ дороги, да кой гдѣ иногда кристаль-

ныя блестящія на поверхности воды. Поэтому не безъ удивленія смотрѣлъ я на бѣлое исподнее платье ратниковъ; а впрочемъ полагалъ, что въ ранцахъ, или же на подводахъ, во всякомъ случаѣ, у нихъ должно быть и суконное. Не любить нашъ простолюдникъ въ сукно рядиться спозаранку, и не рѣдко даже въ трескучій морозъ можно увидать солдата въ его любимыхъ китайскихъ шараварахъ полныяго синяго или голубаго цвѣта, преспокойно отбывающимъ обыденныя домашнія работы. Одна рота ратниковъ направилась по горѣ, и на верху, верстахъ въ трехъ отъ нашего зимовья, заняли землянки на очень живописномъ мѣстѣ, въ виду синѣющаго вдали моря, построенныя ихъ предшественниками, пѣхотными солдатами.

Землянки эти мнѣ были очень хорошо знакомы. Чтобы дать о нихъ понятіе, начну я съ офицерской землянки, напримѣръ, хоть ротнаго командира, послѣ которой о солдатской рѣчь будетъ очень коротка. Давно извѣстно, что пѣхотный солдатъ болѣе всякаго другаго ловокъ и изобрѣтателенъ въ доставленіи себѣ и начальнику своему возможнаго удобства на бивуакѣ. Лишь только гдѣ нибудь, хоть бы въ самомъ пустомъ мѣстѣ, расположилась пѣхота на недѣлю, другую, тотчасъ появляется жаркая баня русская. И какихъ выдумокъ вы тутъ не увидите!.. То является она въ родѣ гнѣзда или норки какого нибудь звѣрька подземнаго; то представляетъ собою цѣлый курганъ земляной; то лѣпится гдѣ нибудь къ обрыву горы, или крутаго берега, изъ камней, дерну и т. д., и всегда заключаетъ въ себѣ не безъ искусства сложенную печку-каменку, подчасъ изъ простаго булыжника, или плитняка, занимающую всегда около половины далеко не огромнаго пространства бани; густой бѣлый паръ, вырывающійся изъ этой на скоро сложенной отрады русскаго человѣка, всякій разъ когда откроется крошечная дверь, да раскрасившіяся отъ жару лица солдатъ, свидѣтельствуютъ вамъ о «благополучіи» бивуачнаго отдыха. Такіе опытные строители, разумѣется, не затруднятся устроить около своихъ землянокъ и жильѣ для ихъ капитана, со всевозможною роскошью, особенно когда подъ рукою есть кустарники и лѣсъ, и когда приказомъ главнокомандующаго разрѣшено пользоваться ими для построекъ. Землянка капитана Б... была врыта въ землю и огорожена плетнемъ до половины ея высоты (въ ростъ человѣка), и состояла изъ двухъ отдѣленій: одно при входѣ, теплый «присѣнокъ», въ то же время кухня и спальня для деньщика капитанскаго; за ней

другое, около сажени въ ширину и сажени полторы въ длину, — комната самого капитана. Верхняя половина стѣнъ состояла изъ трехъ, четырехъ вѣнцовъ буковаго лѣса, только что срубленнаго съ пня, очень порядочно обтесаннаго съ внутренней стороны и со свойственнымъ нашему простолюдину умѣніемъ исправно прирубленнаго въ спой, съ прокладкою даже мелкимъ горнымъ сѣномъ, за неимѣніемъ мха. Потолокъ былъ сложенъ изъ того же бука, смазанъ глиною и покрытъ землею на два ската. Маленькое окошко въ одно стекло, привезенное артельщикомъ изъ Симферополя, достаточно освѣщало эту комнатку, а нагрѣвалась она тою же самою печкою изъ глины и булыжника, въ которой готовилось кушанье.

Въ началѣ осени, когда, впрочемъ, наступили уже длинные холодные вечера, и по ночамъ появлялись въ горахъ морозы, а по временамъ мочило и порядочнымъ ливнемъ, мнѣ случалось заѣзжать къ гостепріимному капитану Б.... Тутъ ознакомился я съ его маленькою землянкою на вершинѣ горнаго перевала, и всякій разъ промежъ неумолкаемой бесѣды о новостяхъ съ Сѣверной стороны Севастополя (Южная уже была очищена), о заключеніяхъ модъ Евпаторіей, или на правомъ флангѣ горной позиціи нашей, о похожденияхъ разныхъ героевъ Симферополя, этой столицы госпиталей, подвижныхъ магазиновъ, провіантскихъ и другихъ складовъ, — мы не могли нахвалиться уютностью и удобствомъ незатѣйливой, какъ описано, квартиры капитана, въ которой желѣзная, складная тульская кровать, складной табуретъ и столикъ, сдѣланный изъ половинки какого-то ставня, право не дали ни разу вспомнить о недостаткѣ мебели.

Солдатскія землянки были построены въ рядъ, каждая на пятнадцать или двадцать человекъ; углублены онѣ въ землю были нѣсколько болѣе капитанской, поверхъ земли въ нихъ не было бревенчатаго сруба, и вмѣсто потолка онѣ просто-на-просто покрыты были двухскатными крышами, изъ колевъ и хвороста, смазанными сверху глиною и засыпанными землею. Дверь изъ плетня, на хворостныхъ петляхъ, замѣняла въ то же время и окно для всей землянки. Вдоль обѣихъ продольныхъ стѣнъ устроены были нары изъ мелкаго дровянаго лѣса, а въ противоположномъ отъ двери концѣ землянки врѣзана въ стѣну скородѣльная маленькая печь изъ глины и камней, которая, разумѣется, скорѣе могла служить бы кампомъ, нежели въ самомъ дѣлѣ печью.

Быть солдатъ роты капитана Б...., точно также какъ и большей части нашего отряда, вообще былъ очень не дурень, не смотря на стоянку въ пустомъ мѣстѣ и на всѣ ожидавшіяся сначала неудобства и лишения военного времени.

Скажемъ кстатѣ нѣсколько словъ о тогдашнихъ средствахъ къ продовольствію солдата въ Крыму. По положенію, составленному княземъ М. Д. Горчаковымъ, для своей Крымской арміи, строевой солдатъ получалъ въ день: обыкновенную дачу хлѣба, т. е. 3 фунта печенаго, когда была возможность его печь, или $1\frac{3}{4}$ фунта сухарей; $\frac{1}{4}$ фунта крупы ($1\frac{1}{2}$ гарнца въ мѣсяцъ), $\frac{3}{4}$ фунта мяса; около 6-ти золотниковъ соли (20 фунтовъ въ годъ), чарку пѣннаго вина; $1\frac{1}{2}$ чарки уксусу въ недѣлю и $7\frac{1}{2}$ золотниковъ перцу въ мѣсяцъ. Все это, кромѣ хлѣба и крупы, было отпускаемо въ войска деньгами по справочнымъ цѣнамъ, совершенно достаточнымъ. Такъ, напримѣръ, на 1 пудъ говядины отпускалось намъ, въ горномъ отрядѣ, по 2 руб. 60 коп. серебромъ, и за эту цѣну, а нерѣдко и гораздо дешевле, получали мы говядину у Татаръ. Осенью въ особенности, когда вздорожало сѣно, они сами приводили къ намъ своихъ маленькихъ быковъ на продажу; брали за нихъ обыкновенно около 15 рублей за штуку, и такъ какъ мяса получалось отъ 7-ми до 8-ми пудовъ, то 1 пудъ, слѣдовательно, обходился около 2-хъ рублей серебромъ. Остающіяся за тѣмъ 50—60 коп. сер. съ пуда можно было обращать то на прикупку крупы для крутой каши къ обѣду, то на покупку капусты, или чрезвычайно крѣпкаго крымскаго хрѣну, этихъ могучихъ противниковъ цинготной и другихъ болѣзней между солдатами. Стоитъ упомянуть, какой хорошій способъ указали сами солдаты сохранять запасъ сырой говядины на два на три дня, въ жаркое время, т. е. въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ, когда всякая живность въ одинъ день уже начинала портиться. Говядину опускали на $\frac{1}{2}$ часа въ соленую воду и потомъ развѣшивали ее кусками въ нарочно выкопанныхъ ямахъ, которыя сверху закрывали полѣньями и землей. Способъ этотъ оказался вполне удовлетворителенъ. Мы говорили о покупке живаго скота на убой. Отъ него въ артеляхъ остаются шкуры, матеріалъ, если не совершенно бесполезный, то и не приносящій большой выгоды для артели, потому что если собрать ихъ за цѣлый мѣсяцъ и послать въ городъ для продажи, то въ то время можно было выручить въ пользу артели не болѣе одного рубля серебромъ со штуки. Однако, добрые люди навели насъ

на мысль, которую при благоприятныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени удалось исполнить. Надо прежде сказать, что на стоянкахъ въ каменистыхъ горахъ у солдата неизмовѣрно страдаетъ обувь, и двухъ паръ (въ кавалеріи) получаемыхъ имъ сапоговъ едва ли хватаетъ въ такомъ случаѣ и на половину срока. Мы предложили занимать солдатъ по очереди выдѣлкою сыромяти изъ воловьихъ стягъ. Охотники нашлись, и сыромятную кожу, по тогдашней цѣнѣ въ Симферополѣ, по 12 руб. сер. за пудъ, можно было продать около 4-хъ или 5-ти руб. сер. штуку, такъ что отъ 13-ти кожъ, набравшихся въ мѣсяцъ отъ эскадрона, можно было надѣяться выручить около 40 руб. сер. въ мѣсяцъ, на подметки, новые сапоги, кому по крайности нужно, и даже на рубашку въ крайне необходимомъ случаѣ. Вотъ какъ поступали мы съ сухими воловьими шкурами. Солдаты набрали мелкихъ обломковъ известковаго камня (мрамора крымскаго), сложили изъ него небольшую пирамидальную кучу съ очелкомъ внизу, подкладывали дрова и въ продолженіи одного дня обожгли порядочное количество известки. Затѣмъ, размочивъ нѣсколько шкуръ въ водѣ, пересыпали ихъ поверхъ шерсти негашеной известью и сложили въ такомъ видѣ въ яму на одиѣ сутки. Такое дѣйствіе называется «квасить», или «травить» шерсть, откуда происходитъ въ Малороссіи и самая обидная брань «кислая шерсть». На другой день стяги вынимались изъ ямы и разстилались въ проточной водѣ ручья, чтобы освободить ихъ отъ ѣдкости известки. Къ вечеру съ промытыхъ такимъ образомъ кожъ «сбивали» шерсть и потомъ просушивали ихъ на воздухѣ. Затѣмъ, на солнцѣ пропитывали ихъ жиромъ. На первыхъ порахъ не за дорогую цѣну покупали мы у южно-берегскихъ Татаръ жиръ дельфина, или морской свиньи; впоследствии же замѣняли его топленымъ говяжьимъ жиромъ, съ прибавкою нѣкоторой части постнаго масла. Пропитанную такимъ образомъ кожу оставалось только мять, чтобы получить сыромять. Для этого устроили слѣдующій приборъ: вкопали твердо въ землю столбъ, безъ малаго въ два аршина высоту; верхній конецъ его на $\frac{1}{2}$ аршина обтесали покруглѣ до толщины 4-хъ вершковъ въ поперечникъ; на эту часть столба насадили на крестъ одна съ другою, одну ниже, а другую на $\frac{1}{2}$ аршина выше, крѣпкія пластины (около 3 аршинъ длиною), обтесавъ ихъ концы въ видѣ колецъ, или рычаговъ, а между собою соединили ихъ восемью цѣвками, или стоячими кольщиками, такъ что образовалась около обтесанной

вершины столба круглая клѣтка, которую можно было посредствомъ сказанныхъ рычаговъ поворачивать, или вертѣть на этомъ столбѣ. Сложивъ кожу въ длину, на подобіе того, какъ складываются солдатскія шинели для носки черезъ плечо, однимъ концемъ совывали ее и вщемляли въ столбъ внутри клѣтки, и въ тоже время четыре человекъ, или болѣе, взявшись за рычаги, начинали поворачивать клѣтку, до тѣхъ поръ, пока вся шкура въ нее не втянулась; вертѣть продолжали покамѣстъ кожа не облеглась вполне и воротъ начиналъ ходить легко; тогда начинали обращать его въ противную сторону, потомъ опять въ первую, итакъ, смѣняя только людей, работа продолжалась нѣсколько часовъ времени: сыромятная кожа была готова.

Не думаю, чтобы этотъ способъ мять кожи былъ наилучшій въ отношеніи механическаго производства; но тамъ, гдѣ много рукъ свободныхъ и не много матеріала для работы, онъ ничуть не казался неудобнымъ. Кожа была хороша, ее покупали наши же офицеры, для постромокъ и т. п. надобностей; большая же часть кожъ была продана на рынкѣ. По одному рублю сереб. съ кожи было возвращено въ артель, копѣекъ по 30—ти со штуки отдавалось въ пользу двухъ главныхъ мастеровъ этого издѣлія и около 3—хъ рублей со штуки, какъ выше сказано, шли на улучшение солдатской обуви и бѣлья. Говорить нечего, что солдаты нисколько не тяготились этой работой; во 1—хъ, она доставалась имъ не каждый день; во 2—хъ, составляла для нихъ развлеченіе и занятіе; въ 3—хъ, не одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выучился при этомъ новому ремеслу, и уже унесъ его съ собою въ безсрочный отпускъ, или въ отставку, послѣ компаніи, а всѣ вмѣстѣ, они были чрезвычайно довольны, сверхъ всякаго ожиданія, получить даровыя вещи, въ особенности же сапоги—любимое достояніе; экипажъ и охрана здоровья, богатство нашего солдата, къ тому же еще въ такое время, когда камень, не въ примѣръ пуще нашихъ деревенскихъ грязей, съѣдалъ подметки и подборы, да и головкамъ доставалось; а никакая «хозяйка», или «кума» не могла надѣлать его сорочкой своего шитья. Чтобы не наскучить долгимъ перечисленіемъ пользы, какую можетъ приносить солдатамъ, какъ въ мирное, такъ даже и въ военное время, распространеніе ремеслъ между ними, добавлю только, что тѣ же продаваемые кожи доставили возможность, когда наступило ненастное время двадцати—дневныхъ дождей, а послѣ того морозовъ и снѣжныхъ метелей въ горахъ,—завести въ эскадронѣ сби-

тень. За 11 или 12 р. сер. былъ купленъ въ городѣ у сбитеньщика самоваръ; столько же почти денегъ употреблено на покупку мѣду, имбирю, гвоздики и нѣсколькихъ кружекъ жестяныхъ. Одинъ престарѣлый солдатъ, изъ безсрочно-отпускныхъ, недавно возвратившійся передъ тѣмъ уже во второй разъ изъ госпиталя и потому замѣтно ослабшій силами, былъ избранъ въ сбитеньщики. Ему врученъ былъ весь купленный припасъ, какъ основной фондъ капитала. Сдѣланъ первый опытъ варки сбитня, по всенародной пробѣ опредѣлена лучшая пропорція припасовъ и сообща положена плата за кружку сбитня (по 1½ коп.). Съ перваго же дня сбитень пошелъ въ продажу успѣшно. Солдаты пили его во всякое время дня, по возвращеніи съ разѣздовъ, по смѣнѣ съ дневки на коновязи, съ часовъ, послѣ поѣздокъ за фуражемъ и, наконецъ, «такъ себѣ, въ удовольствіе души»; пили его съ хлѣбомъ, съ булками, которыя привозились два раза въ недѣлю артельщикомъ, въ счетъ сбитенной суммы; пили его даже съ крутой кашей, и послѣдствія всего этого были очень утѣшительны: простудами и растройствомъ желудка начали заболѣвать рѣже, прибывающіе изъ госпиталей поправлялись гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, не смотря на самую дурную погоду, да и самъ нашъ сбитеньщикъ замѣтно скоро поздоровѣлъ и приобрѣлъ румянецъ на щекахъ. Вырученныя въ продолженіе недѣли деньги записывались у сбитеньщика въ книжку и употреблялись на закупку въ городѣ новыхъ припасовъ для сбитня. Такимъ образомъ, мы самоварничали цѣлую осень и зиму безъ малѣйшаго вреда ни для службы, ни для солдатскаго кармана: напротивъ, въ послѣдствіи времени оказалось, что большая часть солдатъ отказывались отъ раздаваемой имъ ежедневной винной порціи и получали въ замѣнъ того съ артельщика деньги, такъ что при возвращеніи изъ Крыма, почти ни у кого не было менѣе 6 руб. сер. въ карманѣ.

Смѣшно, можетъ быть, покажется другому слушать рассказы про самоваръ и сбитень въ военное время, въ виду непріятеля? Но кажется, что какова бы не была служба, а человѣкомъ при ней быть все же не мѣшаетъ. И ежели по волѣ Божіей мы не попали подъ бомбы, или подъ картечь, то все же изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы нужно было безпрекословно отдаваться на произволь «лихоманокъ» (лихорадокъ) и поносовъ. Да и не осудить вѣроятно самый рьяный служака, и въ тоже время благо-разумный человѣкъ, еслибы сказать ему даже, что въ хорошее

время года и, пожалуй, при самой легкой службѣ для солдата, доставили ему разнообразіе въ пищѣ и случай полакомиться, отвести душу. Не дознано ли физиологами, что на питаніе чело-вѣка такое же вліяніе имѣеть качество пищи, какъ и разнообра-зіе ея? Вотъ почему, когда возможно, варите людямъ сегодня щи, завтра борщъ изъ бураковъ, или свеклы (на югѣ это не трудно), потомъ горохъ, или похлебку съ картофелемъ и лукомъ; затѣмъ опять щи, и такъ далѣе; по временамъ, также, вмѣсто говядины не бесполезно давать солонину; кашу варите, то гречневую, то ячневую, то пшеничную, то съ масломъ, то съ саломъ, то съ пост-нымъ масломъ; къ говядинѣ давайте хрень: крупный крымскій хрень мы давали по $\frac{1}{2}$ вершка на чело-вѣка (для вѣрности раздачи).

Однако, вмѣсто мудрствованія, взглянемъ, что дѣлалось съ крымской природой въ концѣ осени и при началѣ зимы.

Октябрь былъ весь неимо-вѣрно тепелъ; только странно какъ-то тепелъ. Если улыбающееся южное небо по временамъ грѣло насъ не шутя, то, съ другой стороны, мы чувствовали совсѣмъ не то, когда не было видно солнца. Бывало, въ драповомъ сюр-тукѣ и солдатской шинели на-опахъ, стоишь себѣ на коновязи; солнце грѣеть, жарко; вдругъ набѣгаетъ облачко изъ сосѣдняго ущелья, спряталось солнце, и ужь холодно,—опять въ шинель. Такъ бывало даже въ августѣ и сентябрѣ. Правда, что въ го-рахъ, что ни шагъ то новый климатъ; не разъ еще въ августѣ у насъ покрывалась льдомъ на палецъ вода въ ведрахъ отъ утрен-никовъ, а между тѣмъ дни стояли знойные. Бывало, въ четыре часа послѣ полудня выйдешь изъ-подъ крыши, чтобы посмотре-ть, можно ли начинать ѣзду—нѣтъ, еще жара, пройдеши, однакожъ, сто, двѣсти шаговъ, тамъ тѣнь отъ сосѣдняго отрога Чатыръ-дага и даже прохладно, не только что не жарко. Еще забавнѣе игру тепла съ холодомъ, свѣта съ темнотою, испытывали мы здѣсь въ концѣ октября и въ началѣ ноября (напримѣръ, 4-го). Постоянно чрезъ день дѣлали мы проѣздки, въ родѣ практи-ческаго похода лошадямъ своимъ, и часовъ въ десять утра эскад-ронъ отпраплялся шагомъ и рысью, попере-мѣнно, верстъ за пять, по каменистой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы съ обратнымъ путемъ всего сдѣлать верстъ десять хорошаго моціона конямъ. Случа-лось, что солнце грѣло съ правой стороны такъ, что готовъ бы надѣть хоть бѣлый китель, и въ то же время лѣвое плечо и лѣвая рука съ поводьями мерзли отъ холода. Окончивъ свои пять

версть, мы возвращались уже въ одиннадцать часовъ въ прекрасный майскій день—и это въ ноябрѣ.

Впрочемъ, что удивительнаго? На южномъ берегу, въ разстояніи версть тридцати отъ насъ, цвѣтутъ еще розы въ это время подъ открытымъ небомъ. Но съ 7-го ноября начались проливные дожди, предшествуемые двухдневною стужей, какъ въ степи, такъ и въ горной полосѣ до южнаго берега. Дожди, перемежающіеся почти ровно черезъ сутки; дожди и туманы, то есть наводненія облаковъ съ горъ; дожди и снѣгъ мокрый. Бѣдные кони наши! Навѣсы вмѣсто конюшенъ съ плетевой крышей, покрытой для большой важности листьями съ деревъ, защищаютъ ихъ отъ дождя также, какъ и рѣшето. Стоять и дрогнуть бѣдненькія, подъ мокрыми попонами, съ какими-то сосульками вмѣсто пушистыхъ, такъ тщательно разбираемыхъ пальцами въ обыкновенное время, хвостовъ своихъ, стоять съ поникшими головами, словно въ думахъ горькихъ, а подъ ногами топъ черной грязи и цѣлыя лужи воды (этому мы успѣли пособить, устроивъ деревянные помосты изъ кольевъ и жердей), негдѣ прилечь и приклониться, а о постылкѣ и говорить нечего. Каково же полкамъ, которые стоятъ теперь въ степи, подъ Симферополемъ и Евпаторіей, безъ навѣсовъ, безъ землянокъ, тамъ людямъ, иногда, на цѣлый эскадронъ достается не болѣе двухъ опустѣлыхъ татарскихъ сараевъ, смазанныхъ изъ кизяка, а лошади стоятъ среди открытой степи за каменными изгородами, едва лишь по колѣно возвышающимися надъ землею. Усердный солдатъ тамъ, подкладывая своему коню задачу сѣна, держитъ свою шинель въ родѣ ширмы, чтобы вѣтромъ не разнесло сѣна, прежде нежели лошадь успѣетъ его съѣсть! А наши кони мокли, правда, но не мерзли, потому что согрѣвали мы ихъ нарочно ежедневными проѣздками, и солдатъ нашъ не безпокоился надъ устройствомъ ширмы по нѣскольку разъ въ день, чтобъ «травить» сѣно, потому что въ горахъ вездѣ затишья вдоволь.

Землянки и «сборни» наши, устроенныя на подобіе татарскихъ «сараевъ», или «мазанокъ», только по роскошнѣе, а именно: не съ бумажными, но со стеклянными окошками, и съ русскими печами, представляли не слишкомъ надежную защиту въ дождливое время. Еслибы не старый постоялый дворъ какого-то обанкротившагося купца, съ черепичною крышею, да казарма

для бывшихъ здѣсь арестантовъ, то негдѣ было бы солдату и рубашки просушить.

Быль декабрь, недѣли двѣ уже стояла у насъ зима, настоящая русская зима; снѣгу на ровныхъ мѣстахъ было вдоволь; морозы доходили до 13-ти градусовъ, и оледенѣлыя хворостяныя крыши перестали протекать. И день и ночь привѣтливо дымились солдатскіе огоньки и коротенькая трубка въ зубахъ, да рассказы о давно-прошедшемъ житьѣ-бытьѣ въ Великороссійскихъ нашихъ губерніяхъ, помогали ему коротать длинные зимніе вечера, при мерцающемъ огнѣ плошки, наполненной говяжьимъ жиромъ, въ низкой своей землянкѣ, гдѣ гораздо удобнѣе было лежать, нежели стоять или сидѣть; занятій у нихъ въ это время было меньше прежняго: только уходъ за лошадыю, да посѣщенія къ ней черезъ часъ другой, чтобы подложить клочокъ сѣна, или поправить свернувшуюся на бокъ попону. Проѣздки дѣло привычное, и въ хорошую погоду онѣ не въ тягость. Надоѣдали имъ подчасъ лишь очередныя посылки версты за четыре отъ зимовья, рубать грядки по крутымъ обледенѣлымъ спускамъ къ ручьямъ, чрезъ которые то и дѣло намъ надо было подвозить себѣ или провіантъ, или фуражъ изъ дальнихъ складовъ. А какъ за то проѣзжіе намъ были благодарны за эти усердныя поправки, избавлявшія между прочимъ и ихъ отъ закатыванія повозокъ и опасности сломать себѣ шею, или выкупаться въ ручьѣ еще до праздника Крещенія.

Вотъ минулъ Николинъ день, 6-го декабря. Съ самаго разсвѣта и небо и земля начали обмываться густымъ, холоднымъ дождемъ. Снѣгу въ одинъ день какъ не бывало. Отвсюду въ одинъ день понеслись потоки бурой, мутной воды; ручьи переполнились и обратились въ рѣки; еслибы мы не догадались приготовить на нихъ деревянныхъ перекидныхъ мостиковъ, изъ необтесанныхъ бревенъ съ настилкою изъ кольевъ, покрытыхъ навозомъ, то пришлось бы быть можетъ долго прождать подвоза сѣстныхъ припасовъ и зерноваго корму лошадамъ. Изъ обнаженныхъ крутостей горъ, замѣнявшихъ стѣны для землянокъ, брызнули фонтаны; крыши снова потекли... Такъ продолжалось цѣлую недѣлю.

Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, часу въ десятомъ утра, вошелъ къ мнѣ человекъ среднихъ лѣтъ, въ ополченскомъ кафтанѣ, съ одной звѣздочкою на погонахъ.

— Ну ужь, нечего сказать, упекли насъ за грѣхи наши.... Вы меня извините—съ, я хоть и не имѣю чести васъ знать, а скажу вамъ откровенно, что упекли—съ, ужь точно что упекли—съ.

Глядя на измоченную фигуру, я догадался, въ чемъ дѣло, и желая разогнать мрачное расположеніе моего гостя, полушутя, полусерьезно возразилъ ему:

— Полноте, едва ли упекли: ужь не прохладили ли васъ не въ мѣру?

— То-то прохладили! Рѣшетомъ накрыли, да озера подостлали вмѣсто постелей. Вы, господа полковые, можетъ быть и привыкли подъ водою грѣться, да въ походахъ отдыхать. А наши, я вамъ доложу, не то въ землянкѣ, и подъ кровомъ небеснымъ мѣста не найдутъ; то и дѣло, что ни день, двухъ — трехъ въ больницу отправляешь.

Я попробовалъ его утѣшить, и рассказалъ ему, что дѣлается въ нашихъ землянкахъ въ это время, увѣрялъ, что и у насъ въ подобную погоду заболѣвающихъ бываетъ по больше, чѣмъ въ другіе дни.

— Ужь такъ—съ, или нѣтъ, а все не можетъ быть, чтобы вамъ такъ жутко приходилось, какъ намъ тамъ на верху!

— На горѣ, я думаю, легче избавиться отъ лужъ въ землянкахъ, чѣмъ подъ горою. Развѣ вы не можете канавками отвести воду внизъ?

— Да отведешь ее, позвольте васъ спросить, когда васъ сверху ливнемъ обдаетъ, а съ боку вода волною катить. Вѣдь, чаю, не безъизвѣстно вамъ, сколько было снѣгу на горѣ — что по-надъ нашей позиціей; такъ отъ этого дождя, все это сразу распустило, да такъ и леть на насъ, какъ въ ведро изъ кадки... Иное дѣло въ морозы бывало, нашъ братъ офицеръ, хотя чаемъ обогрѣется, а теперича и самовара не успѣешь подать, какъ ужь водою его остудить... Всю эту ночь, не то что глазъ, мы зуба на зубъ, скажу вамъ откровенно, не смыкали, а ужь народъ то нашъ и вовсе распустился, просто размазня,—вотъ тутъ и все!

Я велѣлъ подать закуску. Гость обогрѣлся нѣсколькими рюмками и горячимъ биткомъ. Лицо его сдѣлалось покойнѣе и доврчивѣе.

— Однако, сказалъ я, продолжая разговоръ, если эта волна, какъ вы говорите, — съ боковой вершины такъ васъ обдаеть, то чего же молчить вашъ начальникъ? Ему давно надо было съѣздить къ отрядному командиру, чтобы объяснить дѣло и просить перевести роту на другое мѣсто.

— Да и то сегодня — съ они поѣхали. Мы имъ изо всѣхъ ротъ сдѣлали донесенія, рапортами, что эдакъ безъ неприятеля всѣ животы положимъ.

— Жаль только, зачѣмъ не раньше это сдѣлали; все это не трудно было впередъ угадать.

— То есть вотъ вы, капитанъ, это такъ почеловѣчески говорите; а намъ вѣдь сказано, съ перваго дня вразумили, что въ военной службѣ разсуждать не смѣй. Ну мы и доселѣ службу то разумѣемъ не больно, а разсуждать таки не смѣемъ.

— Не ужели же вы думаете, что служить должны только ноги да руки, а голова на службѣ должна безъ всякой мысли оставаться?

— Ужь въ этомъ прощенія просимъ, а разсуждать намъ запрещено.

— Не ошибаетесь — ли вы? Быть можетъ тотъ, кто вамъ давалъ такое понятіе о военной службѣ, разумѣлъ собственно, что распорядженій начальства и вообще заведеннаго порядка въ службѣ опровергать не слѣдуетъ. Но могу васъ увѣрить, во всякомъ случаѣ, намъ не запрещено обращаться къ начальникамъ съ просьбами, касающимися улучшенія быта солдатъ, и разумѣется мы первые должны узнавать ихъ нужды.

— Помилуйте — съ, эдакъ вы, то есть наипуще противъ нарушенія дисциплины говорите.

— Вы вѣрно никогда не были въ военной службѣ?

— Признаться сказать, я точно что по военному времени изъ гражданскихъ поступилъ. Знаете, у насъ въ уѣздѣ, дворянъ — то добровольныхъ не много набралось. Изъ молодыхъ, которые по знатнѣе, такъ въ Петербургъ служатъ, а другіе тоже по полкамъ — давно въ чинахъ, такъ что остались, изволите видѣть, женатые, семействами, такъ сказать, обремененные, ну да и ратниковъ тоже ставили и рекрутовъ поставляли, не безъ того же, на все это деньги нужны! Такъ и пожалѣешь ино добраго человѣка, какъ прійдетъ, да скажетъ тебѣ: Иванъ Яковличъ! такъ

и такъ, дѣти малъ—мала меньше, жена, семейство — ну все это какъ водится, яви, значить, дружбу такую милосердную; вы, дескать, человекъ молодой, ваши годы долги, такъ это нельзя ли на службу, въ ополченіе, за насъ сойти, а мы за васъ, говорить, ужь денно и ночью молитвы ко Всевышнему посылать будемъ, да и царь то васъ не оставитъ. Благодарность вамъ на то ужь съ нашей стороны будетъ, — уговоръ лучше денегъ; о деньгахъ, говорить, мы съ вами сойдемся, въ нуждѣ не оставимъ, и плакаться на насъ не будете. Только, Иванъ Яковличъ, ужь я вамъ скажу, вы не откажитесь! А пошлетъ вамъ Богъ—Владимира въ петлицу, или тамъ еще эдакъ Георгіевскій крестъ на желтой, знаете, ленточкѣ пришилить, такъ и дворянство значить приобрѣли; не то что просто, съ капитальцемъ будете. А тутъ, знаете, еще прибавляетъ: и предводитель то Левъ Ксенофоновичъ и судья также Авдей Петровичъ, всѣ какъ есть, въ одно слово ожидаютъ, что вы такъ сказать великодушно, изъ преданности къ престолу, къ дворянству любви, въ ряды станете, подъ знаменемъ за вѣру и проч., какъ все это говорится. Съ одной стороны, знаете, тутъ, беззащитное мое положеніе въ Земскомъ Судѣ, жалованье пять рублей въ мѣсяцъ; съ другой стороны, лакомое блюдо, эдакъ пять радужныхъ показано; ну тутъ же и кавалерственный орденъ въ виду и такъ же страсть напастей какихъ либо со стороны предводителя, отъ судьи тоже,—все, между нами будь сказано, люди сильные; да и не то съ родни, не то въ дѣлахъ они съ тѣмъ господиномъ Крутицкимъ, что изволили замѣтить—откровенное мнѣ такое предстательство сдѣлалъ, чтобы за него въ дружину пойти. Такъ заговорило ретивое. «Куда ты, буйная головушка, несешь себя?» спросилъ я себя. Подумали, подумали, зашелъ я, знаете, съ товарищами въ ресторацію, да сперва съ ромкомъ чай, а тамъ ужь, знаете, какъ разобрало — мадеры и цымлянскаго, въ счетъ будущихъ благъ, какъ говорится, приказали подать... А Судейкинъ то, я ужь вамъ доложу, нашъ столоначальникъ, — такъ, знаете, вокругъ меня и ластится и увивается; да какъ замѣтилъ, что я уже того! какъ заговорить со мною объ опасности отечества, объ подвигахъ бранныхъ, о томъ, что дескать всякая служба всякія выгоды имѣетъ, да и говорилъ же какъ! Хитеръ, нечего сказать! Говорилъ, да говорилъ, а тутъ ужь я что то и не помню, какъ по рукамъ ударили, а тамъ посадили въ сани, да и къ Крутицкому на квартиру ужь свезли, у Андашской, значить, у Авдотьи Кли-

новны, всегда онъ становился, какъ въ нашъ городъ бываю назжалъ. Вотъ—съ и привезли. Онъ тутъ мнѣ на шею. Другъ мой, говоритъ, благодѣтель мой, и многое такое, да никакъ и гости у него на ту пору были,—все вѣдь свидѣтели! Помню только я, что тутъ Судейкинъ, да Климовъ еще, предводительскій писмоводитель, ужъ вотъ какъ больно юлили. Ну, да не въ томъ дѣло, а то, что ужъ въ правду уговоръ лучше денегъ. По рукамъ ударили еще разъ при свидѣтеляхъ; сейчасъ же всѣ въ трактиръ, да и въ-канунъ самаго Благовѣщенія меня, раба Божія, прапорщикомъ въ дружину вписали, къ маіору, что изъ отставки, Махдѣву, въ гусарахъ выходитъ, служилъ, Іовъ Моисѣичъ зовутъ,—статься можетъ слышали?

Узнавъ такъ неожиданно подробности о началѣ военного поприща моего новаго знакомства, не скрою, я поддался любопытству узнать дальнѣйшія похождения Ивана Яковлевича и его сослуживцевъ.

— А скоро у васъ сформировалась дружина? спросилъ я моего собесѣдника.

— Да и вотъ какъ скоро, что какъ бы вамъ сказать, ино пустаго дѣла, эдакъ, листиковъ въ 120, перебѣлить не успѣешь, какъ ужъ глядишь, тутъ Іовъ Моисѣичъ въ формѣ щеголяетъ; тутъ ужъ и кадру изъ губерніи пригнали, изъ внутренней стражи, намъ въ сержанты да въ урядники попереводили. И то сказать, народъ не бравый и не за отличіе какое, а такъ хоть изъ рядовыхъ, да и ктожь, вы сами посудите, что ни на есть надежнаго человѣка изъ своей роты отдасть? Ну, да ужъ артикуль ружьемъ метать все таки умѣютъ, и нашу бороду, кисельника, службѣ и всякимъ эдакимъ дѣламъ научить съумѣютъ. Да и нельзя же безъ того! Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ, не учивши мужика сиволапаго въ походъ пустить, не научивши начальство почитать, унтера и ефретора уважать, подъ ружьемъ не горланить — базара то есть не чинить, да и въ праздникъ не обжираться, а иной разъ, продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, слегка мнѣ подмигнувши, и по вторникамъ постъ соблюдать. «Толстое, дескать, брюхо, во всемъ войскѣ проруха», прибавилъ онъ, не безъ скромнаго удовольствія своему краснорѣчію.

— Ну, а вашъ маіоръ, Іовъ Моисѣичъ, также прилѣжно занимался обученіемъ ратниковъ новому артикулу, который вы мнѣ рассказали?

— Да-съ. На первыхъ порахъ они и не приведи Богъ, какъ ужь ретиво за службу взялись. Съ разу по ротню весь людъ разочли; вы, говоритъ, «экономическіе» (*), всѣ въ первую да въ четвертую роту; вы, дворовые, господскіе—значить, что побойчее, въ-третью роту; а вы, — сиволапенькіе, косолапенькіе, мужички — впростаки, клиномъ бородки у васъ сошлись, вы пошелъ всѣ во вторую роту. Ну, какъ водится, каждой ротѣ по два съ барабанами и сигнальщика съ трубою приписали, и господь, то есть офицеровъ, всѣхъ тоже по мѣстамъ назначили. Ротные у насъ вѣдь назначены были все изъ полковыхъ, что изъ отставки вновь на службу поступили. Вотъ, примѣрно, въ первой ротѣ, Кирыло Матвѣичъ Волгинъ, — ужь куда добрый-шшая душа, капитаномъ опредѣленъ; ну и во второй ротѣ капитанъ тоже, Петръ Петровичъ Ситниковъ; въ-третью роту, выходитъ, самаго твердѣйшаго эдакаго, во всякой службѣ бывалаго, Барновскаго, Ферапонта Евтихича, маіора утвердили; а въ-четвертую, ужь извините, только поручика, Аггѣя Семеныча Самсонова, — старше, изволите видѣть, ужь и не нашлось изъ полковыхъ. Только ужь вы мнѣ позвольте откровенно объясниться насчетъ, что этакъ по письменной части, да по денежной, такъ ужь тутъ нашъ братъ гражданскій понужитѣе будетъ; полковые то ужь въ этомъ не больно знаютъ, да и писать имъ какъ-то не съ руки; даже хоть, напримѣръ, Ферапонтъ Евтихичъ, сами говорятъ: мнѣ, бывало, въ полку, говоритъ, не до чернильной вашей пачкотни было! — и точно что они фамилію и чинъ подписать только и соглашаются, а болѣе ужь извините, — не помнить должно быть. Такъ и назначили въ адъютанты, онъ же и казначей и квартирмейстеръ тожь, — Ивана Макарыча Бубликова, изъ столбовыхъ тоже дворянъ, почище, онъ у насъ годовъ съ пятокъ засѣдателемъ въ уѣздномъ числился, а послѣ въ отставку вышли. Ихъ уже поручикомъ прямо, по указу, въ дружину и зачислили.

— Такъ какъ-же, вы мнѣ все-таки не сказали, какъ и долголи маіоръ вашъ дружинный васъ училъ артикулу? Мнѣ это очень любопытно.

— Какъ же-съ. И сколько тутъ заботъ имъ было. То по ротню разсчитывали, а Иванъ Макарычъ все на бумагу записывали; то

(*) Экономическими, по старинному, зовутъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

пошли разныя хозяйственныя дѣла, то есть на счетъ кафтановъ, сапогъ, артельныхъ тоже суммъ и прочее такое... Ну, тоже не безъ того, какъ ротные стали уже артикулъ повертывать, да ужь этакъ въ линію, въ шеренгу, значить, доводить, такъ прійдутъ они, поздороваются съ ратниками и собственноручно уже присутствуютъ при ученьи. Такъ было долго, недѣли съ три. А послѣ собрали они насъ, офицеровъ, да и держатъ такую рѣчь:

«Начальникъ, говоритъ, есть слово, ухо царское, вы, говоритъ, господа, руки, а люди это ноги; вы, говоритъ, учите, они будутъ ходить, а я вами править буду. Мое дѣло—всѣ, что ни есть въ дружинѣ. Я былъ уже въ службѣ, въ полкахъ разныхъ служилъ, и скажу вамъ, вотъ моя система: начальнику не подобаетъ всегда и вездѣ быть на лицо; его дѣло за всѣмъ слѣдить вообще, генерально. Адъютантъ пишетъ приказы, я подписываю, а вы, господа, исполняете. Только помните, всякій приказъ есть царское слово. Такъ прошу не разсуждать.

«И знаете, точно, маіоръ нашъ, послѣ этого, для насъ ужь чѣмъ то невидимымъ сталъ. Приказъ обнесутъ, ратные хлопотуть, и судъ и расправу чинять, а маіоръ все на бумагѣ, по приказамъ, «кабинетнымъ образомъ», знаете. За то ужь къ дружинѣ когда пойдутъ, не то, что у простаго ратника, а у нашего брата, изъ образованныхъ уже, Богъ вѣсть изъ чего, а поджилки такъ и затрясутся.

— Какъ, не ужели онъ васъ никогда и не видитъ?

— Нѣтъ—съ, не то! Какъ же, въ воскресенье, напримѣръ, въ обѣдни всегда его выдаемъ. Даже и подойдетъ при выходѣ къ каждому. «Вы какъ, какъ ваше здоровье» и прочее. А въ походѣ ужь, разумѣется, не ихъ дѣло съ нами грязь мѣсить; они себѣ въ тарантасѣ ѣдутъ съ дневки до дневки. Послѣ вотъ, чтобъ вамъ лучше сказать, Харьковъ—ли, Полтавы—ли, не упомяну, только ужь сотъ—пять верстъ походу мы отбыли, оказалось, что въ коляскѣ начальнику по пристойнѣ, вотъ они и коляску куплею приобрѣли. Для благопристойности единственно—съ. А Иванъ Макарычъ, атыютантъ и казначей тожь, ужь въ какомъ благорасположеніи у нихъ. Не то, что по вѣжливости просто, а даже дружески, такъ сказать; ни за обѣдъ, ни за ужинъ маіоръ безъ нихъ не садятся.

«Да что—съ, продолжалъ Иванъ Яковлевичъ, послѣ нѣкотораго раздумья, такова ли теперь служба! Трудись да хлопочи—

что ни старше, то больше. Вот старики такъ иначе рассказываютъ. Въ наше время, говорятъ, не то, что теперь, не всякій въ службѣ наровиѣ съ молодёжью ляжку тянулъ. Пока еще въ караулъ, или на вахтъ-парадъ ходить, такъ ходилъ; а какъ въ подполковники, или въ полковники поднялся, засѣлъ дома, въ квартирѣ, и значить для строя ужь старъ, — унизительно нѣсколько; развѣ только въ Высочайшемъ присутствіи, или на корпусномъ, напримѣръ, смотрю. А по бумажной части, у нихъ тоже читать ужь не водилось! Эдакъ вѣдь и старымъ ханжею прослынешь... Не полковничье то дѣло!... Полковникъ ужь всегда баринъ, хоть бы и не изъ столбовыхъ, примѣромъ сказать, происходилъ... Его дѣло почетъ принимать, да подписывать бумаги, а пишутъ ихъ да читаютъ пусть младшіе.

«Такъ-то водилось въ старину у начальниковъ тѣхъ, что поважиѣ. А подумаешь, вѣдь и подчиненнымъ-то не легче было въ то время. Иному объ своемъ дѣлѣ, иному по службѣ нужно объясниться съ командиромъ, ну точно также какъ бы и теперь. Такъ что же съ! — слыхивалъ я отъ сосѣдей у насъ въ уѣздѣ, которые давнымъ давно уже въ отставкѣ: вѣдь, говорятъ, бывало иной начальникъ прямо тебѣ скажетъ: «а вотъ подите, справьтесь у адъютанта». Такъ оно-съ, тово, и выходило, что все надо было вѣдаться съ адъютантами. Да и важная же это была должность тогда! Знай, говорятъ, какъ задобрить адъютанта, и все тебѣ будетъ сдѣлано, что ты себѣ въ смиреніи твоёмъ ни пожелаешь! Разумѣется, чтобы только не было противно интересамъ службы. А, напримѣръ, знаете, какъ хорошъ съ адъютантомъ, такъ все какъ-то на твою долю и нарядомъ куда либо, какъ будто меньше перепадетъ, и послужной-то списокъ, по нынѣшнему полковому, формуляръ твой тоже какъ-то благовиднѣе представляется, да сказываютъ даже, что кто «въ знакомствѣ», значить, съ адъютантомъ, то вотъ, — вотъ былъ бы случай, а ужь наградишка какая, хоть бы плохенькая тебя не мпнуеть по службѣ. За то ужь неповадно бывало, коли адъютанту ты не по сердцу!....

Дверь отворилась и мой человекъ объявилъ, что пришелъ ратникъ съ запискою къ своему офицеру. Въ запискѣ объявлялось, что третья рота, въ которой онъ числился, должна оставить свои залитыя землянки, и къ вечеру занять квартиры въ двухъ сосѣднихъ татарскихъ аулахъ.

— Ну, «Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, человѣцѣмъ благоволеніе!» воскликнулъ Иванъ Яковлевичъ, творя крестное знаменіе. Ужъ какъ-то мы этотъ мѣсяцъ побивались, да помаялись! Тутъ онъ схватилъ свою шапку, второпяхъ попрощался со мною, и выбѣжалъ, отказавшись даже повторить еще рюмку вина и закусить паясной икрою съ хлѣбомъ.

Былъ часъ пятый послѣ обѣда. На небѣ было чисто и дождь давно уже пересталъ, только лужи подъ горою дѣлали еще до рогу не совсѣмъ пріятною для пѣшеходовъ. Въ длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, подобравъ сѣрыя солдатскія шинели, бродили мы, нѣсколько офицеровъ, взадъ и впередъ по дорогѣ, чтобы провѣтриться послѣ нѣсколькихъ дней затворничества, подъ крышею незавидныхъ нашихъ помѣщеній. Вдругъ изъ-за кустовъ на спускѣ горы показалась толпа людей съ ружьями на плечахъ. То были ратники, переселявшіеся изъ своихъ землянокъ на новыя квартиры. Проходящая мимо насъ рота, намъ показалась очень не велика, всего человѣкъ 70 или 80. А я помню, они на позицію вступили въ числѣ 150 человѣкъ, не смотря на то, что слишкомъ уже 50 передъ тѣмъ оставили въ разныхъ госпиталяхъ, на походѣ своемъ изъ Россіи. Пожалѣли, пожалѣли мы бѣдныхъ ратниковъ, такъ долго купавшихся въ горныхъ потокахъ въ это время года. И долго и тихо тянулись они нестройной толпой, покамѣстъ не скрылись изъ глазъ нашихъ въ сосѣднемъ ущельѣ.

Дня два спустя, проходя по нашимъ стоянкамъ, я увидѣлъ маленькій кружокъ офицеровъ, разговаривающихъ съ проѣзжимъ офицеромъ. Онъ ѣхалъ изъ какого-то госпиталя, гдѣ пролежалъ болѣе мѣсяца и теперь отыскивалъ свою роту. Небольшаго роста, стройно сложенный, одѣтый не безъ щеголеватости, ни по складу рѣчи, ни по наружности своей, онъ вовсе не былъ похожъ на своего сослуживца, недавняго моего знакомца **Ивана Яковлевича**. На военныхъ стоянкахъ люди знакомятся весьма скоро, не обмѣниваясь даже никакими впередъ задуманными фразами. Мы поговорили съ четверть часа, и я сообщилъ ему, въ какомъ жалкомъ положеніи я видѣлъ недавно одну изъ ротъ его дружины, прибавивъ къ тому сожалѣніе, что по весьма прости-

тельной недогадливости еще неопытныхъ въ горномъ кочевьѣ, вообще воиновъ нашего отряда, ротѣ этой досталась такая горькая доля—стоянка на позиціи.

— И другія роты не думаю, чтобы были всѣ въ лучшемъ положеніи, сказалъ мнѣ Муромскій (ополченскій офицеръ). Безпокойства и холодъ всегда легче съ рукъ сходятъ тѣмъ людямъ, у которыхъ больше силъ въ запасѣ; а какъ съ выхода изъ Малороссіи, гдѣ еще на походѣ кормили ратниковъ на вольныхъ квартирахъ, они и позабыли, что такое всегда быть сытымъ отъ обѣда, да и водку видѣли развѣ только въ большіе праздники, такъ нечѣмъ было и приготовиться къ трудной непривычной жизни. Тутъ Муромскій посмотрѣлъ на часы: было уже за полдень. Однако мнѣ надо торопиться, продолжалъ онъ:—быть можетъ еще когда нибудь увидимся, сказалъ онъ, наскоро пожимая каждому изъ насъ руку; проворно вскочилъ въ свою маленькую тележку запряженную парю русскихъ рысачковъ, кивнулъ головою и уѣхалъ.

Тутъ я невольно вспомнилъ, что уже давно въ отрядѣ носились слухи о неслишкомъ хорошемъ состояніи нѣкоторыхъ дружинъ ополченія. Но не всякій честный человекъ легко бросается на первую сказку; за то всякій при подобныхъ случаяхъ долженъ помнить пословицу: «семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь». Бойтесь и вы, мой читатель, съ горяча когда нибудь бросить камень въ человека, а тѣмъ болѣе въ общество людей, обвиняемого или обвиняемыхъ передъ вами на основаніи однихъ только слуховъ. Не должны ли мы помнить, что на бѣломъ платкѣ и отъ малѣйшаго брызга остается пятно, между тѣмъ какъ грязный, уже сколько ни марай, грязнѣе не сдѣлаешь. Такъ точно и всякая сплетня, неосторожно принятая въ свѣтъ, чернымъ, грызущимъ душу пятномъ ложится она на сердцѣ невинно оклеветаннаго, и только бездушный лиходѣй, плещущійся въ грязи, остается безразлично грязнымъ, сколько бы не говорили про его дѣла.... Такъ вотъ почему, всего вѣроятнѣе, никто въ отрядѣ не торопился принять участіе въ положеніи дружины, нашей сосѣдки. Ниже мы увидимъ, что дурное дѣйствительно не было общимъ правиломъ; въ нѣкоторыхъ дружинахъ, на оборотъ, содержаніе было превосходно. Однакожь, подобные слухи распространялись все болѣе и болѣе. Объ этомъ уже за-частую поговаривали офицеры разныхъ частей отряда; объ этомъ также говорили и частныя лица, жители окрестныхъ мызъ и селеній. Два док-

тора изъ отряда были командированы освидѣтельствовать пищу и вообще содержаніе ратниковъ. Они ѣздили по всѣмъ ротамъ, были въ штабъ-квартирѣ дружины и возвратились съ донесеніемъ, вѣроятно неоправдывающимъ дѣла, потому что дня черезъ два послѣ того, въ приказѣ по отряду было отдано, что отрядный командиръ просить начальника дружины, маіора Махѣва, обратить вниманіе на улучшеніе пищи людей.

Маіоръ Махѣвъ чрезвычайно обидѣлся на это. Онъ тотчасъ же поѣхалъ въ отрядную квартиру, и на пути остановился на полчаса у меня. Между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Читали вы, спрашивалъ меня маіоръ Махѣвъ: какъ меня отшлепали въ приказѣ?

— Этого я не читалъ, а читалъ только, что вамъ предложено обратить вниманіе на улучшеніе продовольствія вашей дружины.

— Да помилуйте, я пятнадцать лѣтъ былъ въ службѣ и столько же въ отставкѣ, а до сихъ поръ не читалъ и не слышалъ никогда, чтобы писались такіе приказы, говорилъ, задыхаясь отъ гнѣва, маіоръ. Я человѣкъ больной, у меня печень страдаетъ; я для службы здоровьемъ пожертвовалъ; я продалъ свое имѣніе, чтобы сформировать дружину, и вотъ къ чему все это привело!...

— Вы меня извините, маіоръ; я никакого права не имѣю сомнѣваться въ вашихъ словахъ, но все-таки долженъ вамъ сказать, что люди ваши не отличаются здоровьемъ, это я самъ видѣлъ, и общій говоръ всѣхъ, что ихъ дурно кормятъ.

— Да что же прикажете дѣлать? Вотъ посмотрите, я вамъ покажу всѣ счета свои, сколько на каждую роту выдаю. Я выдаю больше, чѣмъ отпускается отъ казны, вы сами это сейчасъ увидите. При этомъ маіоръ началъ развертывать портфель свой и доставать изъ него какія-то бумаги.

— Я могу вамъ сказать, маіоръ, что мы стоимъ здѣсь еще изъ самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Припасы доставать всегда можно и отпускаемыхъ на это денегъ достаточно. Взгляните на нашихъ людей—на козаковъ, на пѣхоту, вы не увидите ни одного изнуреннаго человѣка.

— И что же, вы не передерживаете ничего изъ съѣстныхъ суммъ?

— Могу васъ увѣрить, что на щи съ наваромъ, на три четверти фунта мяса на человѣка, на соль, на уксусъ, на перецъ и

на кашу—размазню къ ужину, мы ничего не передерживаемъ противу положеннаго, напротивъ даже отъ говядины у насъ остается часть денегъ, на которыя мы прежде прикупали крупу, а съ осени закупили капусты на закваску; теперь же, правда, чтобы давать по порядочной порціи крутой каши къ обѣду, приходится въ мѣсяцъ приплатить нѣсколько десятковъ рублей. Это роскошь, можетъ быть, но роскошь спасительная, потому что горячая каша, крутая, составляетъ въ холодное время славную припарку для солдатскаго желудка и предохраняетъ его отъ болѣзней. Впрочемъ, я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы тутъ было самопожертвованіе съ нашей стороны: отъ заготовки фуража по справочнымъ цѣнамъ, мы всегда имѣемъ деньги въ остаткѣ.

— А какъ вы даете хлѣбъ ?

— Съ начала мы хлѣбъ получали сухарями изъ комиссіи, а съ тѣхъ поръ, какъ велѣно было строить землянки и значить мы узнали, что остаемся на мѣстѣ, мы начали принимать муку и печемъ хлѣбъ сами, въ придорожной казармѣ; другіе пекутъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

— И вы выдаете хлѣбъ сполна ?

— Разумѣется, во всякомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе было бы сказать, что сполна, нежели говорить противное, отвѣчалъ я смѣясь. Впрочемъ на этотъ разъ дѣйствительно могу васъ увѣрить, что солдатъ у насъ всегда получаетъ свои полные три фунта: четверть фунта они сами оставляютъ и дѣлаютъ себѣ изъ этого квасъ. Наше дѣло только о томъ заботиться, чтобы хлѣбъ не былъ сыръ и всегда хорошо выпеченъ.

— Ну, а сухари у васъ тоже всегда хороши были ?

— Сухари, не ровень часъ, попадались иногда плохіе, черные и съ плѣсенью...

Пока мы толковали, маіоръ успѣлъ разложить свои бумаги.

— Вотъ, посмотрите, говорилъ онъ:—это счета всѣхъ четырехъ ротъ. Вы отсюда увидите, и онъ началъ указывать на цифры. что вотъ на эту роту, за мѣсяцъ, слѣдовало выдать 450 р. сер., а я уже выдалъ 500; на эту тоже, на эту тоже, и т. д. Тутъ онъ началъ мнѣ читать справочныя цѣны продуктамъ, и я не могъ не замѣтить ему, что нѣкоторыя цѣны были проставлены въ счетахъ не вѣрно. Незнаю, впрочемъ, что за ошибка тутъ вкралась и почему цѣны значились ниже, чѣмъ онѣ были въ самомъ дѣлѣ.

— Все-таки вы видите, продолжалъ маіоръ:—вы сами находите, что я выдаю больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ скажите мнѣ, научите меня, что же мнѣ дѣлать, чтобы мнѣ не писали такихъ обидныхъ приказовъ?

— Я полагаю, что надо настаивать, чтобы пища приготовлялась хорошо, и чтобы припасы были также хороши.

— А гдѣ ихъ взять хорошихъ, напримѣръ, говядину? я васъ спрашиваю.

— Изъ насъ никто въ этомъ не затруднялся до сихъ поръ. Татары очень охотно сами водятъ свой скотъ на продажу.

— А у меня договоренъ подрядчикъ, такъ ужъ я не могу учить его, откуда брать скотъ.

— По крайней мѣрѣ, вы можете наблюдать, чтобы отъ него не принимали дурной говядины.

— Ну, ужъ извините, отвѣчалъ маіоръ съ запальчивостью и хватаясь за свой правый бокъ:—этого ужъ слишкомъ много. Я не могу самъ принимать говядину.

— А я смотрю на это совсѣмъ иначе и не нахожу никакого стыда самъ смотрѣть за тѣмъ, чѣмъ кормятъ людей, когда дѣло пойдетъ о томъ, чтобы спасти ихъ отъ голода и болѣзней.

Маіоръ, какъ видно, ни могъ снести такого покушенія на независимость его барской нѣги; не отвѣчалъ ничего и, раздосадованный, уѣхалъ.

Вдоль дороги тянутся въ одинъ рядъ татарскія мазанки. То не наши русскія избы, не малороссійскія хаты, бѣлыя какъ снѣгъ, съ высокими соломенными крышами, всею толщиною своей кладки смѣло спускающимися въ навѣсъ вокругъ хаты, и съ неправильною завалинкою вокругъ, да съ маленькими окошками по одному или по два въ стѣнѣ, вставленными въ подъемныя свои рамки. Татарская хата или сарай, по туземному названію, въ со-сѣднихъ къ горамъ мѣстахъ, кроется обыкновенно невысокою крышею изъ черепицы, что рѣзко ее отличаетъ отъ приземистой мазанки съ плоскою земляною покрывшкою, нерѣдко поросшею

*

травою и напоминающею собою извѣстные у насъ въ Россіи парники, какова мазанка перекопскаго Татарина, а также и отъ хижины горскаго Татарина, лепящейся обыкновенно подобно улюю къ прислону горы, и вмѣсто крыши, представляющей довольно удобную земляную, или правильнѣе глинянную террасу. Что общаго между тремя этими различными видами сараевъ, это то, что стѣны ихъ обыкновенно складываютъ изъ обломковъ плитняка, и внутри всегда, а снаружи иногда, обмазываютъ глиною (свѣтложелтою); въ такихъ стѣнахъ обыкновенно остаются довольно большія окна (около 1 аршина высоты), обтянутыя бумагою, замѣняющею стекла, и защищенныя снаружи деревянною рѣшеткою, эмблема всегдашней ревности Азіятца. Внутренность сарая обыкновенно раздѣляется стѣнами на двѣ половины, мужскую и женскую. Полъ вездѣ земляной, набитый глиною. Около стѣны, прилегающей къ стѣнямъ, находится каминъ (оджагъ), расположенный въ уровень съ поломъ, и дымъ изъ котораго проходитъ въ прямую надъ нимъ трубу, устраиваемую обыкновенно изъ хвороста, обмазаннаго глиною; труба эта ршипа на 2 отъ земли расширяется надъ огнемъ на подобіе широкаго козуха нашихъ кузнечныхъ горновъ; изъ середины трубы, вы видите обыкновенно висящую цѣпь (асма) съ котелкомъ. У этого семейнаго очага сидятъ обыкновенно Татары, поджавши ноги, на тюфякахъ, пли на войлокахъ; тутъ варится кофе, тутъ пекутся, чибурекъ т. е. ихъ круглые слоеные пирожки на бараньемъ жирѣ, хлѣбъ изъ смѣси ячменной и пшеничной муки; наконецъ, тутъ, въ холодные дни, выкуривается несмѣтное множество трубокъ крымскаго табаку. Вся мебель подобнаго жилища ограничивается нѣсколькими толстыми тюфяками, разложенными вдоль стѣны вмѣсто дивановъ и однимъ или двумя круглыми столиками, не выше дѣлаемой у насъ скамеечки для ногъ. Какъ украшеніе въ дошѣ зажиточнаго хозяина, иногда рисуется почти во всю высоту стѣны тщательно сложенная куча разноцвѣтныхъ ковровъ и подушекъ. Потолка нѣтъ; на мѣстѣ его виднѣются только двѣ или три перекладинки изъ тонкаго дѣсу, служащія основаніемъ такимъ же стропиламъ крыши; зато иногда эти балки и внутренняя поверхность крыши обиваются тонкими, покрашенными досочками, съ весьма затѣливою рѣзбою по краямъ. Дворовъ или двориковъ при татарскихъ сараяхъ почти никогда нѣтъ; самое большое, если есть плохой навѣсъ для скота; но за то всегда около жилья пространство десятка въ два

шаговъ въ квадратѣ, обносится каменнымъ или кизяковымъ заборчикомъ около одного аршина высокою; это загонъ или мѣсто для содержанія скота на то время, когда онъ изъ степи пригоняется въ селеніе для водопоя у общественнаго колодца. На концѣ селенія нерѣдко видѣется уединенная, такая же почти мазанка, какъ и описанныя, съ приставленною къ ней вышкою на четырехъ столбахъ, покрытыхъ остроконечною крышею, съ помостомъ подъ нею и зыбкою обветшалою дѣсенкою; это мечеть татарская съ минаретомъ; разумѣется, въ бѣднѣйшемъ ея видѣ, потому что въ селеніяхъ, болѣе богатыхъ, можно видѣть мечети бѣлокаменные съ куполомъ и съ стройными, свѣтлыми, какъ свѣча яраго воску, минаретами каменными. Съ минарета четыре раза въ сутки, обратясь лицомъ къ востоку, горлатыи муэдзинъ сзываетъ своихъ прихожанъ къ молитвѣ.

Въ двухъ селеніяхъ, совершенно подобныхъ сдѣланному нами здѣсь общему очерку, стояла подъ конецъ зимы рота О... ополченія, маіора Барновскаго. Не очень тепло должно было жить ратникамъ въ татарскихъ сараяхъ, не смотря на всю ихъ опрятность. Хозяева—Татары на тепло, впрочемъ, не скупились, потому что въ обыкновенный январскій день, когда степь покрыта легенькимъ снѣжкомъ, а въ воздухѣ стоитъ сѣрватая оттепель, можно было въ любомъ мѣстѣ увидѣть дымящійся огонекъ въ каминѣ и въ тоже время настезь растворенную дверь въ сѣни. По этой, вѣроятно, причинѣ, иной ратникъ, видя, какъ щедро Татаринъ теплотою своей избы дѣлится съ матерью—природою, широкой степью и, видя себя обдѣленнымъ, вымѣщаль свое неудовольствіе, то на курахъ, то на баранахъ Татарина. Недочетъ въ курахъ и баранахъ постоянно увеличивался. Обращались не разъ и къ ворожеямъ, чтобы узнать, куда дѣвается животное; обращались и къ мулламъ, чтобы «отчитываніемъ» изъ Корана разогнать злое навожденіе; прибѣгали и къ окуриванію своего жилья, и даже нѣкоторые, подѣятелиѣе, просиживали по ночамъ въ закоулкахъ, чтобы подсмотрѣть, кто беретъ куръ и барановъ. Были слухи даже будто и вправду удалось какому-то Татарину, хитро зарывшемуся въ солому, подкараулить какъ пришли гяуры за его коровой, и онъ съ отчаяніемъ отказавшись отъ помощи Корана, ввѣрился своимъ кулакамъ; но что же, ни слово Магомета, ни кулакъ его поклонника не могли спасти висѣвшей уже на волоскѣ жизни коровы: мощныя руки гяуровъ, связавъ Татарина, упрятали его подъ ту же самую

солону, изъ—подъ которой онъ только что выльзъ. Жаловались начальникамъ; прибѣгали къ посредству сосѣднихъ помѣщиковъ, гуяровъ же.хлопотъ было много и не совсѣмъ понапрасну, потому что «зубъ за зубъ и кровь за кровь», это изрѣченіе Корана, по временамъ оправдывалось, когда усиленные старанія домохозяевъ достигали иногда до уликъ. Провинившагося наказывали. Попадаться стали рѣже и рѣже: одни только куры и бараны, которыхъ, вѣроятно, не догадались также высѣчь, попадались по прежнему.

Не подалеку отъ мѣста, гдѣ совершались описываемыя нами мрачныя видѣнія и еще болѣе мрачныя дѣянія на яву, въ одной изъ тѣхъ благодатныхъ долинъ, гдѣ среди роскошной зелени и подъ теплымъ небомъ юга, во время минувшей войны такъ много нашихъ раненныхъ и больныхъ, чудеснымъ образомъправлялись и даже въ самое короткое время возвращались къ полному здоровію,—стоитъ уютный домъ съ усадьбой, принадлежащей одному изъ самыхъ гостепріимныхъ семействъ на всемъ полуостровѣ. Господинъ Гуттеръ, владѣлецъ этого имѣнія, живущій издавна въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ ко всему населенію окрестностей, принималъ не малое участіе въ неприятномъ положеніи Татаръ, у которыхъ былъ военный нашъ постой. Какъ умный человекъ, онъ скоро догадался, что «у голоднаго брюха нѣтъ уха», и что по этой уважительной причинѣ нечего сердиться на постояльцевъ, за то, что они объѣдаютъ хозяевъ; и задумалъ онъ какъ бы помочь горю, такъ, чтобы и волки были сыты и овцы были цѣлы. Онъ зналъ уже, что ротный командиръ, маіоръ Барновскій, человекъ не любящій общества; но во что бы то ни стало, задумалъ таки онъ съ нимъ познакомиться, а послѣ посмотреть, что и какъ можно было бы уладить въ пользу ратниковъ и ихъ хозяевъ Татаръ. Остановившись разъ на такомъ рѣшеніи, господинъ Гуттеръ ждалъ только случая приступить къ дѣлу.

Былъ какой то праздникъ. Господинъ Гуттеръ по праву сосѣдства посылаетъ въ роту, ратникамъ въ подарокъ, нѣсколько ведеръ фруктовой доброй водки, изъ собственной винокурни, и корову на артель; а ротнаго командира проситъ сдѣлать честь пожаловать къ нему объѣдать. Посланный возвратился и съ нимъ двое или трое ратниковъ, то есть фельдфебель и два урядника, пришли благодарить отъ роты за оказанное «пожертваніе»;

въ тоже время отъ ротнаго командира принесли отвѣтъ, что онъ не здоровъ и потому къ обѣду быть не можетъ. Помѣщикъ нашъ, вмѣсто обычной своей утренней прогулки, отправился самъ знакомиться съ больнымъ маіоромъ. Маіора онъ засталъ, не смотря на его болѣзнь, занятымъ все таки службою : по долгу ближайшаго начальника онъ старательно пробовалъ и перепробовывалъ присланное для ратниковъ г. Гуттеромъ. Помѣщикъ потащилъ маіора къ себѣ обѣдать чуть не силою.

Я пріѣхалъ къ г. Гуттеру, часу во-второмъ дня и засталъ его въ залѣ, вмѣстѣ съ незнакомымъ мнѣ лицомъ въ ополченскомъ кафтанѣ, съ штабъ — офицерскими эполетами. Хозяинъ насъ познакомилъ. Это былъ маіоръ Ферापонтъ Евтихичъ Барновскій, командиръ роты ратниковъ, квартировавшей по сосѣдству, въ деревняхъ. Между нами завязался разговоръ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые не трудно впередъ угадать каждому, кто знакомъ съ безчисленными встрѣчами людей на военныхъ стоянкахъ. Говорили о походѣ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Крымъ ; о дурномъ положеніи непривычныхъ ратниковъ въ новой для нихъ странѣ ; о томъ что татарскіе « сараи » зимою холоднѣе русскихъ избъ ; о прежней службѣ маіора въ арміи.

Маіоръ былъ мужчина небольшого, скорѣе даже маленькаго роста, не молодой, довольно плотно сложенный : его круглая головка и рѣдкіе, полу-всклоченные русые волосы на ней, для опытнаго даже френолога ничего, кажется, не выразили бы, кромѣ того развѣ, что маіоръ менѣе всего занимался своимъ туалетомъ; небольшіе сѣренькіе глаза его, повидимому, по крайней мѣрѣ въ тотъ день, были въ дурныхъ ладахъ съ его физиономіей, потому что послѣдней явно хотѣлось веселиться ; она горѣла жизнью, — была красна, полна, такъ что небольшія рябинки, по ней разсѣянныя, составляли едва ли не единственныя на ней впадины, а глаза, какъ будто бы наперегоръ, съ упрямствомъ закрывались, выражали какое то утомленіе и то и дѣло собирались спать ; голосъ также скорѣе соглашался съ глазами, нежели съ физиономіей ; словомъ, разладица во всемъ была рѣшительная: не упомяну хорошо, чью сторону держали ноги, глазъ или лица.

— А, вотъ и моя музыка? сказалъ маіоръ, указывая медленнымъ движеніемъ руки на стеклянную дверь балкона, со сторо-

ны сада, на который всходила въ это время порядочная толпа людей, съ бородами и безъ бородъ, въ сѣрыхъ кафтанахъ, въ большихъ сапогахъ и съ мѣдными крестами на шапкахъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ видѣлись инструменты, въ родѣ бубна, балабайки, позвонка и т. п.

— Это ваши пѣсенники?

— Да-съ. Вотъ они, говорилъ маіоръ, указывая на г. Гуттера, пошлать для праздника вздумали, такъ и вытащили сюда эту дрянъ. Позвольте, говорятъ, пуцай я ихъ угощу.

— У-у, да какъ ихъ у васъ много!

— Десятка четыре наберется. Ну, да вѣдь это не то, что въ полку какомъ нибудь. Тамъ, напримѣръ, все народъ ученый, — крутели — звѣри! Крутели!... Я самъ, доложу вамъ, самъ я, то есть, съ молодю, полюбивалъ пѣсни, какъ въ полку еще служилъ. Только, знаете, тамъ вѣдь, во всѣхъ частяхъ дойдутъ; доведено! Строгость, то есть, первѣй всего. Какъ есть, значить, страхъ, такъ въ ротъ-ли, въ полку-ли, все единственно, или тамъ, хоть въ баталіонѣ, безпримѣрно, значить, доходятъ; да ужь какъ доходятъ! За то ужь и играли же пѣсни! Впрочемъ, что святыхъ гнѣвить, и здѣсь вотъ, сами увидите, оно не то, чтобы ужь музыку производили, а пѣсни играютъ кое какъ... Играютъ, какъ же! Не даромъ же я имъ того, и разныхъ эдакихъ побрякушекъ и бубенъ, всего обзаведенія понакупилъ.

Въ это время подали на столъ. Ферাপонтъ Евтихичъ помѣстился съ правой стороны, черезъ одно или два мѣста отъ г-жи Гуттеръ. Обѣдъ шелъ своимъ порядкомъ. Пѣсенники усердствовали. Они трудились такъ добросовѣсно, что вѣроятно не только не большая столовая г. Гуттера, но и вся мыза его и всѣ окрестности, горы и долины, никогда еще не оглашались такимъ количествомъ звуковъ, самыхъ разнообразныхъ. Явленіе было по истинѣ новое. Стоитъ только припомнить, что дѣйствіе происходитъ въ глубинѣ Крыма, не подалеку отъ Херсонеса Таврическаго, гдѣ и до и послѣ описываемой поры можно встрѣчать только важно-молчаливыя фигуры Татаръ; и развѣ только въ большой какой нибудь праздникъ, напримѣръ въ байрамъ, или же въ день свадьбы въ селеніи, вы услышите протяжный, гнусливый звукъ такъ называемой у насъ волынки, или «козы», или какъ рѣдкость, цыганскій бубенъ, акомпанируемый скрипкою.

Но все это, безъ сомнѣнiя, пигмей въ сравненiи съ колоссальными звуками, размахистыми какъ сама Русь, съ ея безпредѣльными землями, водами и лѣсами, со звуками пѣсни, или лучше пѣсень «четыре-десятка» нашихъ мужичковъ, давно уже стосковавшихся по родинѣ, на негостепріимной чужбинѣ,—и вотъ теперь попавшихъ къ помѣщику доброму, гостепріимному, который ить угощаетъ и внѣ дома, и въ дому у себя, и приглашаетъ азвернуться, вспомнить про веселье бывшее, житье разудалое.

Податлива, падка натура человѣка русскаго на доброе слово, на привѣтъ радушнаго хозяина. Куда дѣлась и кручина злая и дни безкормные и ночи бессонныя на дождѣ, да на холодѣ!

Глянуло въ окошечко бѣлое лицо хозяина, лицо бѣлое, волосъ серебрянный; молвило лицо хозяина намъ доброе слово, доброе слово — что рѣчь отца роднаго; глянуло оно очима на небо ясное, на твердь небесную, глянуло и намъ молодцамъ въ очи соколы, а глянетъ — говорить, что рублемъ подарить. Какъ поведетъ рукой на сторону, а тутъ и понесли вокругъ, по бородушкамъ, по русымъ, чарку полную, чарку зелена-вина...

«Скинь горе, шевелись,
Въ сарафанчики рядись,
Ой жги, жги, говори —
Въ сарафанчики рядись».

Не богатъ, не пышенъ былъ столъ у Эрнеста Карловича Гуттера; но все что ни подавалось, было вполне хорошо. Да и не могло быть иначе въ домѣ, гдѣ живутъ такіе радушные, дѣятельные хозяева. Они живутъ на своей землѣ и своими трудами; живутъ и даютъ жить другимъ: не одно бѣдное семейство ими поддержано; не одинъ нашъ раненный и больной, задыхавшійся въ госпиталяхъ, нашелъ здѣсь чистый воздухъ и покойную комнату и ласковый уходъ хозяевъ за своей немощью; не одинъ также дряхлый Татаринъ нашелъ здѣсь пріютъ и тщательное леченіе. А между тѣмъ гг. Гуттеры не разоряются; хозяйство ихъ не въ дурномъ видѣ, амбары полны хлѣба и фруктовъ; во дворѣ не вывелись, даже въ тяжелое, военное время огромные стоги сѣна и соломы.

Обѣдъ еще не былъ конченъ. Пѣсенники не жалѣли горла. Черезъ отворенную дверь балкона мелькали въ рукахъ одного изъ нихъ какія то досчечки, издававшія особенное щелканье.

— Что это такое у нихъ? спросила г-жа Гуттеръ, вообще очень мало выдавшая солдатъ и кажется въ самомъ дѣлѣ впервые слушавшая пѣсенниковъ, на этотъ разъ, къ слову замѣтить, еще не совсѣмъ хорошо организованныхъ, потому что большинство ихъ, какъ должно полагать, явились сюда не столько изъ желанья явить свои музыкальныя дарованія, сколько изъ того, чтобы участвовать въ ожидаемомъ навѣрное угощеніи.

Я отвѣчалъ, что этотъ инструментъ называютъ ложками и что ложки держитъ пѣсенникъ въ рукахъ, для того, чтобы аккомпанировать ими пѣніе на подобіе кастаньетовъ.

— Вотъ и неправда, вотъ и неправда! перебилъ меня Ферапонтъ Евтихичъ, раскрывая свои глазки, которые уже до того разсорились съ его физиономіею во время обѣда, что во весь промежутокъ между вторымъ блюдомъ и третьимъ не хотѣли смотрѣть не только на круглый его носикъ, но даже ни на рюмку, ни на стаканъ съ южно-берегскимъ виномъ, и ни на кого рѣшительно.

Общее вниманіе обратилось на заговорившаго, воспринувшаго отъ сна, какъ читателю не трудно догадаться. Я также остановился въ недоумѣніи, и съ любопытствомъ ожидалъ услышать вѣсть о новомъ пѣсенномъ инструментѣ и его употребленіи.

— Это онъ дѣлаетъ ими вонъ этакое... протяжно выговаривать, по складамъ и какъ будто собирался чихать, Ферапонтъ Евтихичъ, поднявъ правую руку въ сторону и дѣлая какое то непонятное движеніе опущенными къ низу, какъ бы обезсилѣвшими пальцами ея. Такимъ образомъ онъ началъ и не продолжалъ болѣе... Двое, трое изъ присутствовавшихъ прождали еще съ минуту. Маіоръ впалъ въ свою томительную апатію.

Обѣдъ кончился. Встали изъ-за стола. Надо было сдѣлать честь пѣсенникамъ ближайшимъ вниманіемъ со стороны хозяевъ и гостей. Подошли къ нимъ. Маіоръ былъ также тутъ.

— А ну-те плясовую, да позабористѣе, крикнулъ онъ имъ начальническимъ тономъ, такъ, крайней мѣрѣ, казалось ему самому.

Черноглазый фельдфебель, въ черной фуражкѣ и въ шинели какого то гарнизоннаго баталіона, самъ лично управлявшій хоромъ, тотчасъ принялся исполнять требуемое и не знаю почему, по правилу ли мартышки, описанной въ кварталѣ нашего басно-

нисца, или такъ, просто изъ невинной фельдфебельской важности, желая показать свое значеніе, scomандовалъ, показывая рукою сперва на одну сторону впереди себя, а потомъ на другую: «становись, толстые голоса сюда, а тонкіе вотъ сюда!»

Ратники стали, и два ряда голосовъ, толстыхъ и тонкихъ, по выраженію фельдфебеля, заръвели такую разладицу, что ужъ рѣшительно ничего разобрать нельзя было. По счастью, имъ скоро принесли кушанье; хозяева и гости, кромѣ того, начали давать имъ денегъ, такъ что «игранье пѣсень прекратилось». Слышны были только возгласы: «отцы наши, благодѣтели наши! Благодаримъ покорнѣйше, много благодарствуемъ вашей милости! Много довольны тебѣ, батюшка, кормилецъ нашъ! Ухъ, кабы ты да наибольшимъ у насъ былъ, мы бы съ такимъ начальникомъ горы своротили!» Ратники были вообще очень довольны.

— Это у меня сорванцы все, звѣри! говорилъ, выступивъ на середину, маіоръ. Все дворовые вѣдь, ракальи. Кто, знаете, оброка не выплатилъ барину, иной тоже сгрубилъ, вонъ этотъ теperича высокой, напимѣръ, такъ, просто барынѣ погрозился, а вонъ пониже бѣлобрюсый, это его братъ, въ ратники, значитъ, самъ пожелалъ, по-штò, молъ, брата отдали. И все и все такіе. Изъ дворовыхъ такъ вотъ вся третья рота и сколочена. Я, знаете, самъ въ полку служилъ, и могу сказать, ужъ службу знаю, не то, чтобы какъ нибудь балясы точить, а ужъ на чистоту, строгость во всемъ предпочитаю, и точно, потачки ужъ ни, ни, никому, то есть, прошу не прогнѣваться! Вотъ за то, за самое мнѣ эту роту и ввѣрили. А вѣдь дворовые все,—сорви голова!

Не смотря на декабрь мѣсяцъ, день былъ такъ хорошъ и на солнцѣ такъ тепло, что многіе изъ насъ, безъ шинелей, безъ перчатокъ даже, отправились въ садъ, и тамъ по крайней мѣрѣ полчаса перекидывались снѣжками. Да и все ли это! недѣли три спустя, не болѣе, я помню, въ одинъ ясный январскій день, когда снѣгу вовсе не было, въ одномъ пригрѣтомъ солнцемъ затишьѣ между горъ, я любовался цѣлымъ роємъ мошекъ... А когда бы, вы думали, оканчивается зима въ горахъ Южнаго Крыма? Мошки, видѣнныя въ январѣ, тутъ ровно ничего не значать. Январь обыкновенно бываетъ теплѣе другихъ зимнихъ мѣсяцевъ, по примѣтамъ мѣстныхъ жителей. Февраль бываетъ не суровѣе, а въ мартѣ по большей части пойдетъ такая «завируха», по Но-

вороссійскому нарѣчію, что за снѣгомъ въ горахъ проѣзду нѣтъ недѣли по двѣ. Этотъ-то именно снѣгъ ужь на долго остается на высотахъ Яйлы и Чатырдага, тамъ вы его видите издали въ началѣ мая даже, въ видѣ бѣлыхъ поясовъ и полосъ на крутизнахъ горъ. Замѣчательно, что старые чабаны (пастухи) у Татаръ, вообще слывущіе за знахарей, предсказываютъ съ осени еще, какая будетъ зима; для этого они разсматриваютъ полупрозрачныя кости баранины (лопатку) и узнаютъ вѣрно,—такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ жители крымскіе. Зиму, въ теченіе которой происходили описываемыя здѣсь сцены, чабаны предсказывали словомъ «барсъ», что означало, по ихъ толкованію, лютая въ началѣ, а послѣ перемѣнчивая.

Послѣ игры въ снѣжки, я возвратился въ комнату и засталъ слѣдующую сцену.

Маіоръ, воодушевленный рассказомъ о своей ротѣ изъ дворовыхъ, проснулся рѣшительно. Живая его струна была еще задѣта чѣмъ-то вопросомъ изъ молодыхъ офицеровъ о томъ, хорошъ ли у него фельдфебель?

— У-у, престрогий! торопливо воскликнулъ маіоръ, сжимая коротенькій кулакъ надъ рѣдкими волосиками своей головы.

Г-жа Гуттеръ въ это время сидѣла въ креслѣ возлѣ дивана и о чемъ-то думала, вѣроятно, впрочемъ, не о томъ, чтобы нодольше удерживать въ гостяхъ маіора.

Но Ферапонтъ Евтихичъ пришелъ уже вполне въ хорошее расположеніе духа и захотѣлъ быть любезнымъ даже съ хозяйкой дома. Предметъ для разговора съ нею самъ собою ему представился...

— Да вотъ-съ, я вамъ по сущей подлинности объясню, началъ онъ, обращаясь къ г-жѣ Гуттеръ и уставясь на нее: — какой у меня фельдфебель. Когда мы выступали изъ города Птицына, купечество и мѣщане вознесли по начальству желаніе хлѣбомъ-солью угостить дружину, значить по калачу тамъ или по булкѣ и по чаркѣ пѣвнику поднести. За царя, говорятъ, за святую вѣру не токмо что состояніе, жисть—животы, значить, положить предпочитаемъ... Начальство, какъ есть, согласилось. Ну, честь честью. Благодарность предъявили, да и къ дѣлу. У насъ вѣдь, я вамъ по всей подлинности доложу, какъ все обстоитъ и нонечѣ, такъ все ужь было на ту пору, по военному.

Сейчасъ народъ вывели, по рапжиру поставили, ну и подходи, значить, съ праваго фланга; а кто выпилъ свою, тотъ пошелъ на лѣвый, а новый подходи съ праваго опять же фланга...

Не знаю, — въ скобкахъ замѣтить, — какъ занимательно было для г-жи Гуттеръ это вступленіе въ будущую повѣсть о геройскомъ характерѣ фельдфебеля. Знаю только, что она очень мало могла бы понять что либо изъ краснорѣчія Ферапонта Евтихича, потому что вообще не очень сильна была и въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, раскащикъ стоялъ передъ ней, широко разставивъ свои коротенькія ножки, какъ будто боясь выпустить изъ кресла свою жертву, и рассказъ продолжался:

— Одинъ же, знаете, ратникъ и возмись, слукавилъ. Губато не дура!.. Онъ-съ, того, выпивши свое, да отойди съизнова на правый же флангъ; отойдя, взялъ, да съизнова шастъ къ ушату съ винищемъ... А фельдфебель-то его и подмѣтъ. Хе, хе, хе-съ. Каково!

Тутъ раскащикъ, пріостановившись, отбѣжалъ въ противоположный уголь комнаты; потомъ, ускореннымъ шагомъ подошелъ къ креслу, на которомъ сидѣла г-жа Гуттеръ, вдругъ остановился въ полшагѣ отъ нея. Подобный маневръ повторился раза три въ продолженіе послѣдующаго рассказа, котораго главною темой былъ подвигъ фельдфебеля, съ самоотверженіемъ вывихнувшего себѣ палецъ въ минуту, когда онъ порывался то же самое сдѣлать съ челюстью провинившагося, невоздержнаго ратника.

Г-жа Гуттеръ во все время сидѣла безъ движенія. Жаль, что не было тутъ фотографа: фізіономисты и психологи, быть можетъ, открыли бы въ послѣдствіи какое либо новое движеніе души, занимающее средину между негодованіемъ, стыдливостью, состраданіемъ и отвращеніемъ...

Ферапонтъ Евтихичъ вскорѣ уѣхалъ. Съ тѣхъ поръ никому изъ насъ не случалось встрѣчаться съ нимъ.

Незадолго уже передъ окончаніемъ зимняго времени, въ тѣ дни, когда на югѣ солнце грѣетъ, какъ въ Петербургѣ въ апрѣ-

лѣ, случилось мнѣ проѣзжать верхомъ, на крымскомъ маленькомъ конькѣ, черезъ деревню, гдѣ квартировали ратники. Вечерѣло. Воздухъ замѣтно сталъ наполняться сыростью. Сарай или мазанки татарскія какъ-будто сбросили съ себя дневную бѣлизну свою и сѣроватымъ рядомъ тянулись вдоль степной дороги, и только кое гдѣ, повременамъ, показывали промежь себя извилистые, узенькіе переулки, ведущіе къ задней сторонѣ аула. Стаи поджарыхъ, тощихъ собакъ лежали тамъ и сямъ на небольшихъ возвышеніяхъ, на подобіе кургановъ, виднѣющихся впереди селенья; и всѣ эти отряды сельской стражи поочереды встрѣчали и провожали проѣзжаго силнымъ лаемъ своимъ. Татаръ ни одного не было видно на улицѣ; всѣ они въ этотъ часъ, кажется, были въ мечети, на молитвѣ. Вдалекѣ только, по большой дорогѣ, раздавался скрипъ колесъ и виднѣлись двѣ арбы, запряженныя буйволами; онѣ тянулись въ городъ съ дровами. Конь мой шелъ проворнымъ своимъ аяномъ или ходой, по нашему, и какъ будто уже чуялъ близость домашней коновязи, замѣнявшей ему конюшню. Вдругъ, гдѣ-то на концѣ деревни, слышалась русская пѣсня; тѣ самые, кажется, голоса, которые отличались когда-то на мызѣ г. Гуттера, но только съ меньшимъ немножко одушевленіемъ пѣли:

«Взвѣйтесь, соколы, орлами,
Молно дома горевать;
То ли дѣло подъ шатрами
Въ погѣ лагеремъ стоять.»

.....

Мнѣ приходилось проѣзжать черезъ середину селенья. Начали попадаться на встрѣчу ратники; они выходили по одному, по два изъ каждой почти избы и лѣниво застегивая на бокъ свои сѣрые кафтаны, еще лѣнивѣе тянулись куда-то по одному и тому же направленію. Нѣкоторые изъ нихъ меня узнавали, вѣроятно, видѣвши прежде гдѣ нибудь въ отрядѣ; останавливались и привѣтствовали, кто отдавая честь по солдатски, а кто просто отдавая поклонъ и приговаривая: «здравствуйте, батюшка, ваше благородіе, издалека ли къ намъ жалуете?» Повременамъ продолжая ѣхать своею дорогой, я общивался съ ними парюю словъ.

— Что у васъ сегодня, не праздникъ ли, что пѣсни поете? спрашиваю я.

— Нѣтъ, никакъ нѣтъ; это у насъ кажинный день такъ передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, кричали мнѣ въ отвѣтъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, что хорошо живете. Это и слышать радостно.

— Да-а, жить-то весело... отозвался чей-то голосъ, докончивъ что-то въ рѣчю, чего, впрочемъ, мнѣ не удалось слышать.

Время идетъ, идетъ впередъ безостановочно и крымскій мой ходунъ, каждую минуту оставляя за собою сотни двѣ шаговъ пространства. Я выѣхалъ изъ деревни и былъ уже близъ большой дороги. Тутъ наскочалъ сзади мой спутникъ, юнкеръ Х*, отставшій нѣсколько отъ меня въ деревнѣ, чтобы закурить сигарку. У насъ пошло философское разсужденіе о томъ, какая разница между тѣмъ, какъ отдавать приказы и какъ достигать ихъ исполненія, да о томъ, что и въ службѣ прежде всего слѣдуетъ быть человѣкомъ, а затѣмъ — служивымъ. Плохъ тотъ службистъ, кто забываетъ эту двойственность условій службы.

Въ воздухѣ было уже холодно. Изъ аяна мы перешли въ добрую рысь, и черезъ часъ времени были уже дома, на своихъ стоянкахъ.

Война окончилась. Войска начали выступать изъ Крыма и становились на время въ Днѣпровскомъ и сосѣднихъ ему уѣздахъ, по деревнямъ. Это было сдѣлано столько же для отдыха, сколько и для такъ называемаго «очищенія», чтобы не занести во внутреннія губерніи болѣзней, неизбѣжно укоренившихся, такъ сказать, въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи. Вслѣдъ затѣмъ получено приказаніе вырѣзывать и распродавать тѣхъ лошадей, которые содержались по военному положенію и присланы маршруты для похода на постоянныя уже, или же еще временныя квартиры. Въ половинѣ апрѣля мы перешли черезъ Днѣпръ, по плувучему мосту при г. Бериславлѣ. Далѣе путь нашъ лежалъ черезъ сѣверную часть Херсонской губерніи, по тѣмъ именно мѣстамъ ея, гдѣ Ингулецъ, своимъ теченіемъ, оживляетъ высокую необозримую степь, гдѣ на каждой станціи по маршруту встрѣчаются красивыя поселенія съ рощами и садами, этимъ столь рѣдкимъ и отраднымъ для путника явленіемъ. Походы минувшей войны хорошо познакомили наши войска съ природою богатаго, но почти пустыннаго края Новороссійскаго и мы (военные) хо-

роше теперь знаемъ, какъ рѣзко отличаются югозападная часть Бессарабіи и сѣверная Херсонской губерніи отъ остальныхъ ихъ частей, своею растительностью и красотою мѣстоположенія.

Весна была во всей прелести своей.

Въ Бериславлѣ мы встрѣтились съ двумя дружинами ополченія П. губерніи. Онѣ сдали уже свои ружья въ Николаевѣ и сохранили при себѣ только барабаны и рожки. Маршрутъ намъ былъ по Херсонской губерніи общій; только дружины должны были идти днемъ позже насъ, такъ что мы смѣняли другъ друга на почлегахъ. Это обстоятельство дало мнѣ случай познакомиться съ другимъ положеніемъ ратника, нежели мы видѣли нѣсколько недѣль тому назадъ. Здѣсь уже все было не такъ, какъ въ той дружинѣ, гдѣ передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ пѣлись пѣсни, для улучшенія пищи. Напротивъ, мы видѣли все полныя цвѣтушія лица, и сами ратники рассказывали, что вотъ дескать у нихъ начальство, такъ начальство, выкормятъ и приберегутъ и приструнятъ и обласкаютъ человѣка; а заболѣетъ кто, такъ не то, что поскорѣй въ больницу, нѣтъ, сами уложить, укроютъ его; да еще были и такіе офицеры, что сами ѣздили версты за двадцать каждый день совѣтоваться съ докторомъ; все записывали на бумагѣ, что покажетъ больной, и что говорить послѣ докторъ, и лекарства привозятъ, и при себѣ даютъ ихъ больному. Да и не то, что во-время войны, а теперь, говорили ратники, какъ мы уже домой, въ походѣ по ротно для порядку только, и доберемся во свояси, такъ почитай každого изъ насъ и во-вѣкъ не видать ему, начальнику,—и то все-таки берегутъ и кормятъ нашего брата, словно и вотъ какой службы отъ насъ бы ожидали. Ужь и то много довольны мы за военное то положеніе; такъ нѣтъ, нашъ Ропшинъ, Александръ Андреечъ, дружинный значить, нѣтъ таки, просто отецъ родной! Какъ взялъ насъ со двора родного, такъ въ цѣлости и обратно представить хочеть. Да что, такими ли представить, какъ взялъ насъ! Нѣтъ, пошли мы неучами, людьми темными; а теперь свѣтъ повидали, службу поузнали; да и во здравіи, въ благополучіи, Богъ дастъ, воротимся домой. Еще баить казначей нашъ, что какъ распуцать ставятъ, то распродадутъ обозъ, да и экономія отъ съѣстныхъ есть, такъ рублей по двадцати серебра еще на руки выдадутъ, чтобы не съ пустой мошной домой пришли.... Да и господа тоже у насъ офицеры, дай Богъ имъ здоровья. Просто бы князьями имъ

всѣмъ быть, не то что дворянами. Будетъ что поразказать на дому, будетъ чѣмъ походъ помянуть! Вотъ только горе, никто изъ насъ Егорія домой не принесетъ!... Въ огнѣ, значить, не были; штурма, вишь, отъ насъ ушла. А курскіе, слышно, въ Свистопулѣ, съ Хрулевымъ енераломъ, Егоріевъ таки позахватили маленько!... И шли мы походомъ, со станціи на станцію, съ дневки на дневку. И какъ теперь передъ собою часто вижу я картину, почти ежедневную, выступленіе наше съ ночлега и встрѣчу въ это время съ ополченіемъ. Какъ теперь помню эти ясныя утра, точно въ маѣ, благоуханіе степнаго воздуха. Часовъ въ семь утра обыкновенно кони уже выведены; эскадроны строятся; взводные тамъ и сямъ ходятъ между шеренгъ и осматриваютъ вьюки. Вотъ раздается команда: «Смирно!» Очередный взводъ везетъ штандартъ. А вотъ въ другомъ концѣ селенья раздаются, слышатся звуки пѣсни русской, то заунывно протяжной, какъ сама темная даль пережитыхъ вѣковъ матушки Руси—старушечки, то разбудалой, залихватской, плясовой, съ барабаннымъ перебоемъ, да съ звонкимъ присвистомъ и съ чистымъ, ровнымъ «подголоскомъ» (альтъ) лихача запѣвалы. Невольно оставались мы на мѣстѣ лишніхъ четверть часа, для того, чтобы дожидаться когда покажется дружина (ратники выступали съ ночлеговъ еще до свѣту и часамъ къ семи уже оканчивали свой переходъ) и посмотрѣть на веселый походъ ратниковъ. Вотъ звуки все ближе, ближе; заблестѣли мѣдные барабаны, впереди идутъ горнисты, а за ними большимъ полукружіемъ, широко раскинувшись въ полѣ, — благо въ степи вездѣ дорога, — сотни двѣ три человекъ фронтомъ; тѣ, что ближе къ барабанамъ, то все пѣсенники; по сторонамъ ихъ, все болѣе и болѣе впередъ, идутъ ихъ слушатели. Да и какъ идутъ! любо, весело смотрѣть. Кафтаны на распашку, руки за спину заложены; у всѣхъ цвѣтныя рубахи, у кого красная, у кого синяя; а походка, поступь, соколы, да и только! Смѣло и ровно подаются они впередъ, передаваясь съ ноги на ногу своими мощными плечами; а ноги—то не ноги, а самоходы какіе—то, въ своихъ двѣнадцати фунтовыхъ сапогахъ! И такимъ шагомъ они много и скоро идутъ, верстъ по шести въ часъ, навѣрное. Такъ шли походомъ ратники П-цы. Не доходя до Елисаветграда, трактъ дѣлится на двое. Намъ прямо, имъ идти на Екатеринославль, и тамъ опять на лѣвую сторону Днѣпра. Съ одной дневки мы разошлись,

простились. Они весело шли, пѣсни подпѣвали, въ барабаны подбивали:

«Барабанчики гремятъ,
Колокольчики звѣнятъ,
Ай люди, люди, люди.
Ай люшеньки-то люди!
.....

Это было нашимъ послѣднимъ прощаньемъ.

П. ЛЬНОВСКОЙ.